

Память 31 июля (ст. стиль 18 июля)

Страдание святого мученика Емилиана



В царствование нечестивого Юлиана богоотступника¹ было поднято жестокое гонение на христиан, которое подобно вихрю или буре смутило всю вселенную. По всему царству римскому, по всем областям и городам было разослано приказание, чтоб христиане, к какому бы племени и народу ни принадлежали, обоего пола и всякого возраста, без милосердия отдавались на разные муки и жестокую смерть. Таким несправедливым приказанием богоненавистный царь этот нарушил правые законы и обогриб весь восток и запад проливаемой нещадно христианской кровью, пылая гневом и враждой против Христа и Его рабов. Между другими жестокими ижемонами, которых он рассылал в разные области и города мучить христиан, он назначил в город Доростол, в области Мизии, немилостивого мучителя, по имени Капитолина, губителя людей и служителя идолов; прибыв

в названный город, он прежде всего явился в идольское капище, принес жертву бесам и поклонился бездушным идолам. Потом на другой день он вышел на судилище, бывшее на площади, сел на высоком троне, гордо и грозно на страх христианам и, объявив царское повеление, стал старательно расспрашивать, нет ли в городе противников богам, не называет ли там кто себя христианином? Граждане с клятвою утверждали, что у них в городе нет ни одного такого, но что все поклоняются богам и приносят им ежедневно жертвы. Услышав это, ижемон Капитолин весьма обрадовался и пригласил всех именитых граждан к себе на обед, сказав:

– Так как я вижу, что вы усердно почитаете отеческих богов, то нам надо сегодня вместе поесть, попить и повеселиться.

Был в том городе один тайный христианин, по имени Емилиан, раб одного уважаемого начальствующего лица, язычника. Он во время пира ижемона с начальниками, уловив удобное время, вошел один (никто его не видел) в идольское капище, захватив с собой железный молоток, и начал бить идолов; он разбил их на куски, опрокинул их алтари, разметал жертвы, сломал и раздробил огромные светильники, которые стояли пред идолами и, разорив всё, как храбрый воин, ушел, радуясь и торжествуя в душе. После него в капище вошел кто-то из язычников; увидев, что всё разорено, он пришел в ужас и поспешил сказать о том ижемону и обедавшим вместе с ним гражданам. Тотчас все встревожились, ижемон пришел в ярость и приказал разузнать, кто сделал это; посланные поспешили и вскоре увидели какого-то поселянина, шедшего мимо капища с поля; они схватили его и потащили к ижемону, причем били его как злодея; и много народа с жрецами шло за ними, причем все говорили о поругании своих богов и приходили в ярость. Блаженный же Емилиан, видя это, помыслил в себе:

– Если я скрою свое дело, то какая мне будет от этого польза? Я только больше отягощу свою совесть, или из-за меня убьют неповинного человека, и я буду убийцей перед Богом.

Подумав так, он обратился к тем, кто вел и бил поселянина, и старался остановить их, громко крича:

– Пустите этого неповинного человека, возьмите меня: это я сокрушил и пограл ваших бездушных богов!

Те, оставив поселянина, схватили с яростью святого Емилиана и повели его к ижемону с побоями и оскорблениями. Ижемон, сев на обычном месте суда перед всем народом и увидев приведенного к нему Емилиана, спросил граждан:

– Кто это?

Граждане отвечали:

– Это злодей, сокрушивший богов и поправший жертвы.

Игемон, преисполнившись гнева, обратился к гражданам с укором:

– А вы раньше сказали, что в вашем городе нет ни одного противника богов; вот нашелся такой, благодаря вашему нерадению; за эту вину вы внесете в царскую казну литру золота².

Сказав это гражданам, он обратился к Емилиану и гневно начал спрашивать его:

– Скажи нам, нечестивец, как зовут тебя!

Доблестный воин Христов отвечал:

– Я христианин.

Игемон, еще больше разгневавшись, сказал:

– Имя твое скажи нам, мерзкий человек!

Мученик отвечал:

– Родители мои называли меня Емилианом, Христос же, истинный Бог, сподобил меня быть и называться христианином.

Игемон спросил:

– Скажи, нечестивый человек, кто тебя научил нанести такое оскорбление бессмертным богам?

Раб же Христов отвечал:

– Бог и душа моя повелели мне сокрушить бездушные истуканы, называющиеся у вас богами, чтоб все видели, что они – бездушные, глухие и немые, что у них нет разума, но что они камень и дерево, которое не чувствует; знай же, что истинному – Богу, сотворившему всё, я не нанес оскорбления, но оскорбил ваших ложных богов, которые ничего не сотворили, но сами сделаны вами, и я бросил их на землю, чтоб они погибли навсегда!

Игемон сказал на это:

– Один ты разбил богов или еще кто был с тобою?

Отвечал святой:

– Один я с помощью Христа моего стер в прах ваших идолов и попрал ногами жертвы и светильники их; и ни один не мог отомстить мне за обиду, даже не мог уклониться от моих рук, так как они бессильны, бесчувственны. Будьте же такими и вы, делающие их, и все, надеющиеся на них.

Игемон в ярости приказал раздеть раба Христова, чтоб бить его. Когда сняли одежды с мученика, игемон сказал ему:

– Скажи нам, окаянный, кто тебя научил разбить богов?

Отвечал святой:

– Я уже тебе сказал раньше, и еще скажу, что никто другой, как только Бог и душа моя повелели мне сделать это.

Тогда игемон приказал слугам:

– Обнажите его и бейте сильнее, чтоб он знал, что дерзость его не поможет ему, и не избавит его никто от моих рук!

И начали с жестокостью бить его.

Когда настолько уже побили мученика, что земля обагрилась кровью его, игемон спросил святого:

– Скажи, окаянный, кто тебя научил сделать это злодейство?

Мученик же среди побоев отвечал:

– Я сказал тебе, что мне повелел сделать это Бог и душа моя, и ты всё не веришь мне; да я и не зло сделал а добро, потому что я посрамил беса и прославил Бога.

Игемон сказал слугам:

– Переверните его и бейте по животу и груди: горд он, ослушник царских законов!

И долго нещадно били мученика; потом игемон велел перестать бить святого и спросил его:

– Ты раб или свободный?

– Я раб градоначальника, – отвечал святой.

Тогда игемон прогневался на градоначальника, хозяина Емилиана, за то, что держит у себя такого раба, противника богов и непокорного царскому повелению, приговорил его к уплате в царскую казну штрафа в литру серебра, а мученика осудил на сожжение. Тотчас же слуги и множество народа схватили святого и повели вон из города; затем на берегу реки Дуная, разведя огромный костер, бросили в него мученика. Пламя огненное окружало святого, но не касалось его; потом разлилось вокруг на далекое расстояние и пожгло всех неверных, до кого только достигало, иных сильно опалило, а прочие едва убежали. Бывшие же среди народа тайные христиане не получили никакого вреда от огня, хотя пламя и доходило до них. Святой стоял в огне, лицом на восток, ограждая себя крестным знамением и благословляя Бога. Помолившись же, сколько захотел, он сказал:

– Господи Иисусе Христе, приими дух мой³!

С этими словами он возлег и почил о господе, когда огонь уже угасал. Тело его нисколько не было повреждено огнем, даже волосы не опалились. И те из граждан, которые были тайными христианами, пошли к жене игемона, исповедовавшей также втайне христианскую веру, рассказали ей всё о святом и убедили ее выпросить у мужа для погребения тело мученика, чудесно не тронутого огнем. Она упросила мужа, и тот позволил беспрепятственно взять тело святого; и взяли его верные, обвили пеленой с ароматами и похоронили с честью на месте, называемом Ги0зидина, отстоявшее за три поприща от города⁴. Пострадал за Христа святой мученик Емилиан восемнадцатого июля, в пятницу, от Капитолина игемона, в царствование над римлянами и греками Юлиана Отступника, а над нами – Владыки нашего Иисуса Христа, с ним же Отцу и Святому Духу воссылается честь и слава, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Божественною ревностию распалаемь, огня сослужащаго не устрасился еси, возшед небоязненно волею, возгнещаемым огнем всесожжегся, и Владыце яко жертва принеслся еси мучениче, славне Емилиане. Христа Бога моли, даровати нам велию милость.

¹ Юлиан Отступник царствовал с 361 г. по 363 г.

² Литра – мера веса, равная 72 золотникам; в серебре стоила около 40 р., в золоте до 500 р.

³ Кончина святого мученика Емилиана последовала в 363 г.

⁴ Впоследствии в Константинополе была построена церковь в честь святого мученика Емилиана, в которую и были перенесены честные мощи мученика. Местность в Константинополе, где был выстроен этот храм, называлась Равдой (от греч. слова жезл, – т.е. Моисеев, принесенный при имп. Константине Великом в Константинополь и положенный в церкви Богоматери, близ коей был храм Емилиана).

Житие преподобного отца нашего Памвы

Преподобный Памва прожил до старости постником в пустыне у горы Нитрийской, в Египте¹. Об его добродетельной, богоугодной и святой жизни рассказывают многие великие отцы, как будет видно из дальнейшего повествования, собранного из различных источников. Прежде всего преподобный Антоний Великий² сказал о нем, что страхом Божиим (которого был преисполнен Памва) он вселил в себя Духа Божия. Преподобный Пимен³ сказал:

– Три дела мы видели у отца Памвы: голод всякий день, молчание и рукоделие.

Преподобный Феодор Студит⁴ о том же блаженном отце дает такое свидетельство: "Памва и деянием и словом да ублажится достойно, яко высокий"⁵. Сократ же Схоластик⁶ пишет о нем, что в начале своего иночества он, будучи неграмотным, пришел к одному из

братий, чтоб научиться у него псалмам Давидовым. Услышав в самом начале первый стих тридцать восьмого псалма, а именно: **"буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим"**, он не захотел слушать других стихов, но ушел со словами:

– Довольно мне этого одного стиха, если я научусь исполнять его на деле.

И после уже не приходил к учителю.

Спустя шесть месяцев его увидал где-то учитель и спросил его:

– Почему ты до сих пор не приходил ко мне?

Памва ответил:

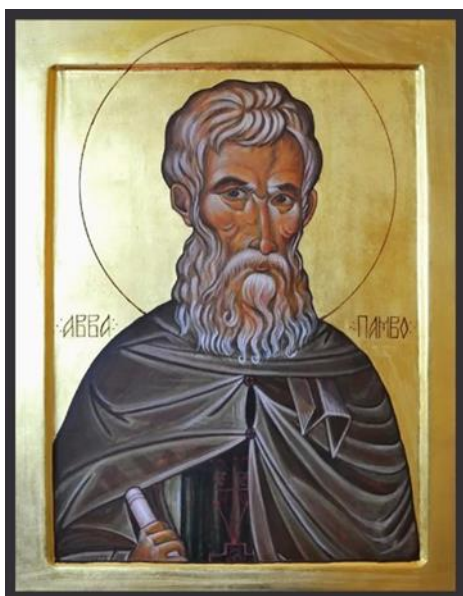
– Не научился еще исполнять на деле того стиха.

Потом, по прошествии многих лет один из знакомых отцов спросил его:

– Научился ли ты уже, брат, тому стиху?

Памва ответил:

– Девятнадцать лет не переставая учился и едва привык на деле исполнять то, чему он учит.



Хотя сначала святой Памва был неграмотен, но впоследствии он был умудрен Богом и хорошо знал священное Писание, даже для других он был умелым учителем (как пишет о нем Палладий⁷; следующие четыре брата, славные в Египте, были его учениками: Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий, называемые великими и упоминаемые в житии святого Иоанна Златоуста⁸. Первый из них, Диоскор, был потом епископом Ермопольским; это не тот Диоскор, который бил еретиком и проклят на четвертом вселенском соборе святых отцов⁹, но другой того же имени, живший раньше. Кроме того и Драконтий честной, упоминаемый в житии преподобного Илариона Великого¹⁰, епископ и исповедник Христов, претерпевший изгнание от ариан, был также учеником блаженного Памвы в юности своей. Учителем сих-то учеников был Памва.

Этот преподобный между многими иными великими добродетелями отличался еще совершенным презрением к золоту и серебру. Когда святая Мелания римлянка¹¹, повсюду раздавая всё свое богатое имущество нуждающимся Христа ради, прибыла в Александрию, то, услышав о святом Памве, пришла к нему вместе со странноприимцем пресвитером Исидором александрийским; она принесла с собою триста литр серебра и просила Памву взять себе, сколько хочет, из принесенного ею серебра. Но он даже не взглянул на него и не перестал рукодельничать, – он плел рогожку, – а только ответил ей:

– Да вознаградит тебя Господь за твое усердие, которое ты имеешь к Нему.

Когда же она продолжала настойчиво просить его взять сколько-нибудь, преподобный сказал служащему ему брату:

– Возьми, что дают, с осторожностью и снеси и раздай братьям в Ливии¹² и на островах: они очень бедствуют, так как земля у них бесплодна, а братьям египетских монастырей ничего не давай, потому что их земля плодородна, и они могут иметь достаток от своего труда.

Тогда блаженная Мелания отдала всё принесенное серебро тому брату для раздачи бедным и сказала преподобному Памве:

– Отче, заметь, сколько я даю серебра: триста литр.

Он же ответил ей:

– Бог, Которому ты принесла серебро, дочь моя, не спрашивает тебя, сколько ты принесла: неужели **"Кто исчерпал воды горстью своею и пядью измерил небеса, и вместили в меру прах земли, и взвесил на весах горы"** (Ис.40:12) не знает о количестве

твоего серебра? Если б ты мне давала серебро, то, разумеется, ты сказала бы мне, сколько даешь, а ты даешь его Богу, Который не презрел и двух лепт вдовицы, но принял их охотнее многих богатств (Мрк.12:42); так молчи, не воструби перед собой! (Мф.6:2)

К преподобному Памве пришел однажды отец Пиор и принес с собою небольшой кусок черствого хлеба. На вопрос Памвы:

– Зачем, отец, ты принес собой хлеба?

Пиор отвечал:

– Чтоб не стеснить тебя. (То есть чтоб не обидеть тебя хлебом, а есть свой).

Через несколько дней преподобный Памва отправился к отцу Пиору, захватив с собою кусок своего черствого хлеба, обмакнув его в воде. Увидев это, Пиор спросил:

– Зачем ты, отец, принес намоченный хлеб?

Он отвечал:

– Чтоб не только в хлебе, но и в воде не стеснить тебя.

Однажды святой Афанасий александрийский¹³ попросил отца Памву прийти к нему в Александрию. На пути старец с несколькими братьями увидел сидящих мирян, которые не обращали внимания на проходивших иноков; Памва сказал этим мирянам:

– Встаньте и приветствуйте монахов с почетом, чтоб получить от них благословение: они часто беседуют с Богом и уста их священны.

Потом, пришедши в город, он увидел публичную женщину, раздетую на соблазн людской; и заплакал старец. Тогда братья спросили его:

– Что ты плачешь, отец?

Он отвечал:

– Я плачу по двум причинам: о гибели души этой женщины и о том, что у меня нет такого усердия к своей душе, какое она имеет к своему телу. Она разукрасилась так, чтоб угодить людям, а я не забочусь украсить свою душу, чтоб она угодна была Богу.

Будучи всегда преисполнен умиления, преподобный Памва никогда не смеялся, никогда на лице его не было даже улыбки. Однажды бесы захотели заставить его засмеяться; они привязали веревку к перу и потащили у него перед глазами словно какую тяжелую кладь, говоря и крича друг другу:

– Помогите! помогите!

Увидев это, отец Памва рассмеялся. Тогда бесы, обрадовавшись, закричали:

– Вот, наконец, Памва засмеялся!

А он возразил им:

– Я не смеялся, а посмеялся над вашей немощью: одного вера поднять не можете!

Бесы убежали пристыженные.

Ученики его рассказывают о нем еще, что он был очень осторожен в разговоре и рассудителен в ответах. Когда его спрашивали о чем-нибудь из божественного Писания или о каком-либо деле, он не тотчас отвечал, но сначала долго молчал и раздумывал сам с собой, а потом часто говаривал:

– Я не знаю, что ответить на этот вопрос.

И только через три дня или три недели, а иногда и через три месяца он давал ответ на вопрос. Ответы его бывали справедливы и весьма полезны, так как влагались в его разум Божией благодатью. Поэтому все принимали слова из его уст со страхом, как из уст Божиих: Бог говорил его устами.

Во времена этого преподобного были в тех же египетских странах два родные брата, Паисий и Исаия, дети богатых родителей; отец их был известный купец, который ездил с дорогими товарами до самой Испании. Разделивши между собою большое богатство, доставшееся им после смерти их родителей, они сказали друг другу:

– Какую мы выберем себе жизнь? если будем заниматься торговлей, как наш отец, то кто знает, кому достанутся после нас плоды наших трудов? да еще придется постоянно бояться, чтоб не попасть в какую беду: разбой, кораблекрушения. Выберем лучше жизнь

монашескую, вложим отцовское имение в небесную сокровищницу; поступив так, мы и души свои спасем.

Посоветовавшись так, оба они отказались от мира. Один тотчас же свою часть наследства раздал нищим, церквам и монастырям, ничего не оставив себе, ушел в пустыню и научился там какому-то небольшому ремеслу, с помощью которого и кормился трудами своих рук; и жил он один богоугодно, прилежно постясь и трудясь. Другой же построил себе маленький монастырь неподалеку от мирских жилищ и, приняв к себе немногих братьев, давал приют странникам и кормил нищих. Построив странноприимный дом и больницу, он давал приют всем приходившим и служил весьма усердно больным, а в субботу и воскресенье он устраивал по два, по три и по четыре обеда для нищих. Пожив таким образом несколько лет оба брата преставились к Господу. По их кончине многие братья стали беседовать о тех братьях: одни больше хвалили того, кто раздал сразу свое имение и ушел на безмолвие в пустыню, другие же отдавали предпочтение другому, который своим имуществом долгое время служил странникам, нищим и больным. Не уступая долгое время друг другу в этом споре, братия пошли спросить об этом преподобного отца Памву, желая узнать, которого брата жизнь угоднее Богу и кто из них получит большую награду. Преподобный же Памва на их вопрос отвечал так:

– Оба совершенны пред Богом, странноприимец уподобился праведному Аврааму¹⁴, а пустынный святому пророку Илии¹⁵, и оба одинаково угодили Богу.

Братия всё-таки не соглашались, и противоречили друг другу; одни, прославляя более пустытника говорили:

– Он исполнил евангельскую заповедь: продай имение твое и раздай нищим, и, взяв крест, последовал Христу, терпя жажду и голод каждый день; а странноприимец, хотя и служил нищим, однако и сам пользовался своим имением; ел и пил со странниками, обедал с больными.

Противники же возражали, говоря, что и страннолюбец исполнил Христово слово, сказанное в Евангелии: **"не пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить"** для других (Мф.20:28). Ведь он стольким послужил, каждый день выходя на людную дорогу, ища странника, нищего, больного, бедного и приводя таких в свой дом, где давал всем покой; и если за одну чашу холодной воды, поданную жаждущему, обещана от Бога награда, то какую же награду получит брат, принимавший странников, удовлетворивший бесчисленное количество жаждущих и голодных и служивший всякому больному, как Христу.

Видя такое разногласие между братьями, преподобный Памва сказал им:

– Погодите немного, братия, пока я не получу извещение от Бога; тогда я скажу вам.

Через несколько дней опять пришли к нему братья за ответом на свой вопрос; тогда старец сказал им:

– Перед Богом говорю вам, что обоих тех братьев (Паисия и Илию) я видел стоящих вместе в раю.

Услышав это, все братья успокоились и прославила Бога.

После этого откровения, бывшего преподобному о двух братьях, всем стало ясно, какую великую благодать имеет он у Бога, если удостоился до смерти увидеть райское блаженство; и он сам был подобен райским жителям вследствие того, что видел их, а еще больше вследствие изобильной благодати Божией, обитавшей в нем. Еще в тленном теле живя среди людей, он носил уже на лице своем печать райского нетления, был светел не только душою, но и телом, и сияло лицо его славой как некогда лицо святого пророка Моисея. Об этом в житиях святых отцов рассказывается так. Три года преподобный молился Богу:

– Господи, молю Тебя, не прославляй меня на земле!

Бог же, прославляющий угодников Своих, так прославил его, что братья не смели смотреть на его лицо от той славы, которую имел он: так святой был прославлен на земле в

своем теле прежде прославления своего на небе. Когда же наступило время его блаженной кончины, после семидесяти лет его жизни, он сказал стоявшим около него братьям:

– С тех пор как я поселился в этой пустыне, построил келью и обитаю в ней, не проходило ни одного дня, чтоб я не работал чего-нибудь своими руками до утомления; я не помню также, чтоб я ел когда-либо хлеб, данный мне кем-нибудь, но всегда – заработанный трудами моих рук; и из уст моих не выходило такого слова, в котором бы мне приходилось теперь со стыдом раскаиваться; однако я отхожу к Господу так, как будто и не начинал богоугодно и по-иночески жить.

С этими словами он предал честную и святую свою душу в руки Божии¹⁶, не пострадав никакой телесной болезнью. Такова была жизнь и кончина этого угодника Божия, святые молитвы которого да помогут и нам научиться богоугодной жизни и кончину добрую получить по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

¹ Египет был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Среднем, так и Нижнем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая вглубь страны, за рекою Нилом.

² Память его празднуется св. Церковью 17 января.

³ Память его – 27 августа.

⁴ Память его -11 ноября и 26 января.

⁵ Канон в субботу сырную, песнь 5 (этот канон написан прп. Феодором Студитом).

⁶ Сократ Схоластик – греческий церковный историк, живший в V в. Он написал "Церковную историю", доведенную до царствования императора Феодосия II. – Указываемое ниже место из сочинения Сократа Схоластика находится в 4-ой книге его "Церковной истории" (глава 18).

⁷ Память его празднуется св. Церковью в сырную субботу.

⁸ Память его 13 ноября.

⁹ Четвертый Вселенский собор происходил в 451 г. в Халкидоне и был созван императором Феодосием II для осуждения ереси евтихианской. Основателем этой ереси был константинопольский архимандрит Евтихий, который утверждал, что в Иисусе Христе человеческое естество при ипостасном соединении было совершенно поглощено божеским. Собор осудил лжеучителя. На этом же соборе был осужден и Диоскор, патриарх александрийский, разделявший лжеучение Евтихия.

¹⁰ Память его празднуется 21 октября.

¹¹ Память ее – 31 декабря.

¹² Ливия находилась в Северной Африке.

¹³ Память его 2 мая и 18 января.

¹⁴ Память его – 9 октября.

¹⁵ См. житие его ниже, под 20 июля.

¹⁶ Кончина преподобного Памвы последовала в конце IV века.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Многострадального

"Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие" (Деян.14:22), – сказал Апостол Павел.

Согласно с ним и возлюбленный ученик Иисусов, Иоанн девственник, сказал:

– **"Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби"** (Откр.1:9).

С ними согласен и возлюбленный ученик Пресвятой Богородицы из Печерской обители, наш русский девственник Иоанн, который прозван Многострадальным; действительно много скорбей перенес он ради обещания девства, данного небесному Жениху. Так он сам рассказывал про свою жизнь, незадолго уже до смерти, по следующему поводу. К этому преподобному, затворившемуся на одном тесном месте, в пещере преподобного Антония, и проведенному там всю свою жизнь, приходил часто один из братьев, которого обуревал диавол плотским вожделением; он просил святого помолиться Господу об ослаблении его страсти. Преподобный же Иоанн говорил ему:

– Брат, мужайся, пусть окрепнет твое сердце, терпи во имя Господне и сохрани пути Его, и Он не оставит тебя в руках наших врагов и не даст им уловить тебя.

Отвечал ему буруеваемый страстью:

– Поверь мне, отец, если не дашь мне ослабления, то я не буду знать покоя, но буду ходить с места на место.

Преподобный же Иоанн сказал ему:

– Зачем ты хочешь отдать себя на растерзание врагу? Ты будешь похож на человека, стоящего на краю пропасти; придет к нему враг и внезапно столкнет его вниз, и такое падение будет ужасно, так что потом ему уже не подняться; если же ты останешься здесь, в святом монастыре, ты будешь похож на человека, стоящего далеко от пропасти, которого враг как бы ни трудился тащить, не можете сбросить; так Господь за твоё терпение избавит тебя от пропасти страстей и от брэнной нечистоты; послушай, брат, я расскажу тебе, что случилось со мной в юности.

И он начал рассказывать всю свою жизнь подробно.



Когда я пришел (говорил он) в этот святой монастырь печерский и стал трудиться по чину святого ангельского иноческого образа, – я, сильно разжигаемы похотью, – весьма много претерпел ради своего спасения! По два, иногда и по три дня я не ел, часто и целую неделю я совершенно не принимал никакой пищи и жаждою умерщвлял себя: целыми ночами я не спал; в таком страдании я провел около трех лет, но и таким образом не нашел я покоя. Тогда я пошел в пещеру, где положен был преподобный отец наш Антоний и пробыл день и ночь в молитве у его гробу; и вот я услышал голос преподобного ко мне:

– Иоанн, Иоанн, тебе нужно здесь затвориться в пещере, чтоб, не видя ничего и пребывая в молчании, побороть страсть. Господь поможет тебе молитвами Своих преподобных.

Потому (продолжал он) я с тех пор затворился здесь в тесном и печальном месте, где живу вот уже тринадцатый год; и не скоро я достиг покоя. Целые года боролся я со страстями и телесными помыслами, ведя жизнь строгую, немало лет, удрочая свое тело сначала только постом и бодрствованием; потом, не зная, что делать и не будучи в состоянии побороть плотской страсти, я решил жить нагим; я повесил на свое тело тяжелые вериги и так с тех пор и поныне я изнуряю себя холодом и тяжестью железа. Однако, когда и этого всего бывало недостаточно, я придумал иное: выкопал глубокую яму, по самые плечи мне. Когда настали дни святого Великого поста, я влез в яму и засыпал всего себя землей, так что у меня остались свободными только руки и голова, и так я пробыл под тяжестью земли весь пост, не будучи в состоянии двинуть ни одним суставом; но и от этого не прекратилась жгучая плотская страсть моя. Кроме того меня пугал враг диавол, желая выгнать меня оттуда, и я ощутил такое его коварство: на дне ямы загорелись мои ноги, жилы в них стянуло, кости трепетали, пламя достигло уже живота и члены мои начали гореть. Я же не обращал внимания на жестокую боль, но радовался душою, радовался, что душа моя сохранилась чистою от скверны: я предпочел сгореть в том огне ради Господа, нежели выйти из ямы поруганным от беса, и в то же самое время я увидел страшного и лютого змея, который дышал пламенем, обжигал меня искрами и хотел пожрать. Так он делал несколько дней, желая прогнать меня. С наступления Светлой ночи Воскресения Христова напал на меня внезапно тот лютый змей, захватил в пасть мою голову и руки, на голове и на бороде у меня опалились волосы, как ты теперь видишь, и я, уже находясь в пасти у того змея, вскричал из глубины моего сердца:

– Господи Боже, Спаситель мой, зачем ты оставил меня? будь щедр ко мне, Владыка, потому что Ты один Человеколюбец! спаси меня грешного, ибо Ты один – безгрешный! избавь меня от скверного беззакония моего, чтоб я не погиб в сетях лукавого навеки, спаси меня от этого врага: вот он рычит, как лев, желая меня поглотить. Покажи силу Твою и приди спасти меня! Блесни Своей молнией и прогони его, чтоб он исчез от лица Твоего!

Когда я кончил молитву, тотчас свет божественный блеснул как молния, и лютый змей тот исчез; и я его до сих пор не видал, по милости Божией. Я услышал тогда и голос Господа ко мне:

– Иоанн, Иоанн! Вот тебе была помощь, теперь смотри сам, чтоб больше не пострадать в будущем веке.

Я же (сказал он), поклонившись, сказал:

– Господи, зачем ты оставил меня на жестокое мучение?

Отвечал мне голос:

– По мере твоего терпения было это послано тебе, чтоб ты, испытанный огнем, стал чист, как золото; выше силы не допустит Бог искушения человеку, чтоб не изнемог он и не был поруган лукавым змеем. Но как разумный хозяин поручает крепким и сильным рабам большую и тяжелую работу, а слабосильным и слабым – плохую и легкую, так понимай и ты о борьбе с телесною похотью, из-за которой ты молишься о себе. Но помолись тому мертвецу, который находится близ тебя, чтоб он излечил тебя от блудной страсти: он сделал больше Иосифа¹ и может помогать страдающим от этой страсти.

А я (продолжал он), не зная имени этого мертвеца, стал восклицать:

– Господи, помилуй меня молитвами этого преподобного!

Потом я узнал, что это был Моисей², родом угрин (венгерец). Тогда меня осиял несказанный свет, в котором я и теперь нахожусь, не нуждаясь в свете ни ночью, ни днем, и все достойные, которые приходят ко мне, довольствуются этим светом и видят воочию мое утешение, которое осветило меня в ту ночь Воскресения, давая надежду на будущий свет.

Окончив этот рассказ о многострадальной жизни своей, преподобный отец наш Иоанн обратился к одержимому страстью плотскою и сказал:

– Мы ведь сами, брат, помышляем своим умом о плотском, за это и попускает на нас Бог страдания Своим праведным судом, потому что мы не приносим достойных плодов покаяния. Но, брат, я скажу тебе: помолимся этому преподобному Моисею, и он поможет тебе.

После этого он помолился вместе с одержимым страстью; потом взял одну кость от мощей преподобного Моисея и дал ему, говоря:

– Приложи ее к своему телу.

Сделав это, брат тотчас почувствовал, как угас жар в теле его; блудная страсть перестала беспокоить Иоанна и замерла в теле его; с тех пор не было ему более мучений от нее. Тогда святой и брат, одержимый страстью, вместе воздали хвалу Богу за то, что тех, которые прославили Его чистотою в своей жизни, прославляет Он и по смерти чудесами, очищающими людей от греха.

Вскоре после рассказа о своих великих страданиях многострадальный затворник, преподобный отец наш Иоанн 18 июля предал дух свой в руки Господу³, чтоб воцариться с Тем же, с Кем вместе пострадал. Мощи же его святые, подающие неоскудевающее исцеление, как столп защиты от лица вражьего, стоят и теперь непоколебимо там, где он сначала там себя закопал по плечи, когда подвизался, и после, когда узнал время своего преставления. Молитвами многострадального сего затворника, преподобного отца нашего Иоанна (честное тело которого, как победившего телесную страсть многим страданием, стало столпом в доме Божием), да будем и мы направлены, как светом с столпом, явившимся пред Моисеем, – в ту обетованную небесную землю, текущую молоком и медом, чего удостаиваются кормящиеся грудью младенцы, а также и этот девственник Иоанн,

подобно Иоанну – наперснику Христа, благодатью и слову в Троице славимого Бога, Которому воссылается слава ныне и вечно. Аминь.

¹ Иосиф – один из двенадцати сыновей патриарха Иакова. Отличался невинностью и простосердечием. Будучи продан братьями в Египет, не поддавался соблазну жены Потифара, в доме коего находился (Быт., гл. 39). – Потому-то в повествовании о житии Иоанна Многострадального и напоминает об особом заступничестве Иосифа за тех, кои, будучи обуреваемы блудною страстью, обращались к нему за помощью.

² См. житие его ниже, под 26 июля.

³ Кончина св. Иоанна последовала в половине XII века.

Страдание святого мученика Иакинфа



Сей святой мученик происходил от благочестивых родителей Феоклита и Феопилы. Он родился в то время, когда церковью в городе Амастриде¹ управлял епископ Ираклий, и получил имя от явившегося ангела. Будучи трех лет от роду, он, призвав имя Христа, воскресил умершего мальчика, который после того подвизался вместе с ним и усовершенствовался в добродетели. Достигши старости и совершивши множество чудес, он увидел однажды, как неразумные идолослужители поклоняются пустому внутри дереву вязу. Он пошел срубил это дерево. За это его схватили и привели в город Амастриду к правителю области Кавстрисию, по повелению которого его сперва жестоко избили, причем выбили ему зубы, потом, привязав к нему веревки, владели по земле и, наконец, заключили в темницу, где он и предал дух свой Богу².

¹ Город Амастрида, ныне Амастра, находился в северной части римско-малоазийской провинции Пафлагонии на самом берегу Евксинского, ныне Черного моря.

² Время кончины святого мученика Иакинфа неизвестно.

Преподобный Памва Печерский, затворник, иеромонах

Дни памяти

8 марта (переходящая) - Собор всех Киево-Печерских преподобных отцов

31 июля

10 сентября - Собор Киево-Печерских преподобных, в Дальних пещерах

Прп. Памва Печерский (XIII в.) – иеромонах Киево-Печерской Лавры, пострадавший во время татарского нашествия. Посланный за провизией при осаде монастыря, был схвачен и мучим за отказ отречься от Христа. Смело обличив мучителей, был чудесно спасён ангелами, перенесшими его обратно в обитель. Остаток жизни провёл в затворе, скончавшись в 1241 году. Его мощи почивают в Дальних пещерах Лавры.



Преподобный Памва жил в XIII веке. Он был иеромонахом Киево-Печерской обители. Во время осады монастыря татарами иноки послали святого Памву за пищей. Как ни велика была опасность, святой со смирением взялся исполнить послушание, но татары схватили его и подвергли мучениям за отказ отречься от христианской веры. Он говорил им: «Ваши боги прокляты, а я верую во Христа, Истинного Бога, Который сотворил небо и землю. Он Господь, един Истинный, Всемогуший, Он и меня избавит от рук ваших молитвами святых Печерских». И, действительно, впоследствии преподобный чудесным образом спасся от мучителей: он был восхищен Ангелами и перенесен в свою келлию в Киево-Печерской обители. До блаженной кончины святой Памва жил в затворе, где мирно преставился к Богу в 1241 году. Мощи преподобного почивают в Дальних (Феодосиевых) пещерах.

Память преподобного Памвы совершается также 28 августа/10 сентября – день совместной памяти преподобных отцов, почивающих в Дальних пещерах.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых